

УДК 94 (57)

ББК 63.3(2Рос-4Ирк)+65.26-03

DOI 10.30792/2222-9175-2018-29-46-54

В. П. Шахеров

## РЕГУЛИРОВАНИЕ КРЕДИТНО-БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Анализируется деятельность банков Иркутской губернии в период гражданской войны. Отмечается влияние политических изменений, происходивших после падения советской власти, на ситуацию в банковской сфере региона. Особое внимание уделено формированию кредитной политики и деятельности банков в период Сибирского правительства и сменившего его колчаковского режима. Заметное место уделено эмиссионной деятельности общесибирского и регионального уровня. Отмечается роль Иркутска в этом процессе.

*Ключевые слова:* Иркутск, Восточная Сибирь, гражданская война, белочехи, временное Сибирское правительство, колчаковское правительство, банки, кредитная политика, финансы, эмиссионная деятельность.

V. P. Shakherov

## REGULATION OF CREDIT-BANK SYSTEM OF THE IRKUTSK GOVERNORSHIP AMIDST POLITICAL TRANSFORMATIONS OF THE RUSSIAN CIVIL WAR

The author analyzes the activity of banks of the Irkutsk governorship during the Russian Civil War, highlighting the influence of political changes after the collapse of the Soviet power on a situation in the regional banking. Special attention is paid to the making of credit policy and banking during the Siberian government period and its successor, the Kolchak regime. The author emphasizes money emission activity at the Siberian and regional levels. Irkutsk's role in this process is outlined.

*Keywords:* Irkutsk, East Siberia, Russian Civil War, Czech legionaries, Provisional Siberian government, credit policy, finances, emission activity.

**Д**еятельность государственных и частных банков в период политических и экономических потрясений гражданской войны в Сибири не получила серьезного освещения в литературе. Данная тема почти не исследована как на общесибирском, так и на региональном уровне. Ситуация осложняется еще и тем, что в силу региональных особенностей революционные события в Сибири имели свою специфику и заметно отличались от тех процессов, которые проис-

ходили в Центральной России. К тому же в силу разных причин в архивах сохранилась лишь небольшая часть источникового материала, позволяющая восстановить связь времен и попытаться разобраться в противоречивых событиях того времени. В результате в истории банковского дела Сибири и Иркутской губернии присутствуют существенные пробелы и противоречивые оценки. В настоящей статье сделана попытка на новом фактическом материале показать особенности раз-

вития финансовой системы Иркутской губернии в период деятельности временного Сибирского, а затем колчаковского правительств.

Политическая ситуация в Сибири особенно осложнилась в конце мая – начале июня 1918 г. Восстание 25 мая 1918 г. чехословацкого корпуса, растянувшегося вдоль железной дороги от Пензы до Владивостока, отрезало восточные регионы от Центральной России и привело к падению советской власти. Выступление белочехов способствовало движению всех антисоветских сил. Попытки остановить чехословацкие отряды на дальних подступах к Иркутску, в районе Нижнеудинска, не увенчались успехом. Остатки красногвардейских отрядов и интернационалистов отступали к Иркутску. Уже 26 июня 1918 г. Центросибирь отдала распоряжение об эвакуации из Иркутска в Верхнеудинск отделения Госбанка, военно-аптекарского склада и других учреждений [Романов 1994: 301]. Эвакуацией ценностей руководил М. А. Трилиссер. Со 2 июля 1918 г. город был объявлен на осадном положении. Ценности и имущество перевозили к железной дороге на 26 подводах с вооруженной охраной. Всего из казначейства, банка и железнодорожной кассы к эвакуации было подготовлено золота и денег на 17 млн руб. [Там же: 516] Кроме того, вывезено большое количество ценных и процентных бумаг. В этой спешке было много махинаций и хищений денежных средств. Так, были разграблены интендантские склады, увезено все обмундирование и продуктовые запасы, из кассы изъято 76 тыс. руб. Заведующим финансовым подотделом городской управы большевиком Боковым было похищено 177,5 тыс. руб., взятых в Госбанке для жалования служащим, и процентных бумаг на 50 тыс. руб. [Там же: 340].

Вывезенные из Иркутска ценные бумаги были складированы в Верхнеудинском казначействе и активно использовались большевиками для выпуска денежных суррогатов. Большевики недолго продержались в Верхнеудинске и уже в конце июля были вынуждены эвакуиро-

вать золото и наличность далее на восток. В Читу были отправлены оставшиеся ценности: «34 ящика с золотыми слитками, 121 мешок серебра на сумму 363 тыс. руб., 9 ящиков с ценными бумагами на сумму около 5,5 млн руб. и 10 ящиков с прочими ценностями» [Петин 2012: 5]. Но и там большевики надолго не задержались. Кроме того, в условиях всеобщей анархии и хаоса значительная часть золота была просто расхищена. В ночь с 24 на 25 августа 1918 г. отрядами атамана Семенова было ограблено Читинское отделение Государственного банка. Созданная для расследования происшествия комиссия во главе с управляющим Читинским отделением Госбанка П. Ф. Веремьевым установила, что часть золота была выдана большевиками рабочим Черновских угольных копей в погашение задолженности по заработной плате и, очевидно, в качестве платы за уголь, необходимый для паровозной тяги эшелонов, перевозящих части и имущество отступающих большевиков. До ограбления в кладовой банка находилось золота в рублевом исчислении на 14,4 млн руб., в т. ч. вывезенного из Иркутска – на 9,5 млн. После ограбления осталось в кладовой золота на 5,7 млн руб., в т. ч. от Иркутского всего на 910 тыс. руб. Несмотря на предпринятые меры, золота, принадлежавшего Иркутскому отделению Госбанка, удалось вернуть всего лишь на 300 тыс. руб. Куда делось остальное, до сих пор неизвестно. В некоторых публикациях исследователей, пытавшихся восстановить картину читинского ограбления, имеются не подтвержденные документально сведения о том, что 22 ящика с золотом достались атаману Г. М. Семенову. Поскольку П. Ф. Веремьев не мог определить, на какой счет следует зачислять поступившие из Иркутска партии золота, он постарался побыстрее отправить их обратно. 5 марта 1919 г. из Читы в Иркутск была отправлена партия золота весом 43 пуда 19 фунтов 5835 долей на сумму 1,2 млн руб.

Вернемся к Иркутску. Город был сдан красными 11 июля 1918 г. без боя, если не считать небольшой перестрел-

ки в районе вокзала и попытки сжечь понтонный мост через Ангару. При отступлении большевики также повредили железнодорожный мост через Иркут. Гражданская власть в городе перешла к вновь восстановленной Городской думе. Губернию возглавила губернская земская управа во главе с П. Д. Яковлевым. Дума и управа признали власть временного Сибирского правительства, возглавившего все освобожденные от красных районы Сибири. Местом его базирования стал Омск. Здесь же был сформирован Совет министров, взявший на себя всю исполнительную власть. Сдача Иркутска имела большое военно-политическое и психологическое значение как для противников, так и для сторонников советской власти. Город был не только самым крупным населенным пунктом в Восточной Сибири, но и официальной столицей большевиков в Сибири. Большая часть горожан, уставшая от произвола «диктатуры пролетариата», поддержала свержение Советов. Н. С. Романов записал по этому поводу: «Радость наполняет сердца. Завтрашний Петров день будет для иркутян днем отдыха от прожитых треволнений за время большевизма и комиссарства» [1994: 326–327].

Мирная жизнь в Иркутске также постепенно налаживалась. С 21 июля начало функционировать отделение Сибирского банка, 3 августа – Волжско-Камского, убытки которого от расхищения большевиками составляли 7 млн руб. Был растащен весь инвентарь, пишущие машинки, мебель. С 5 августа заработал Русско-Азиатский банк, потери которого были заметно скромнее – всего чуть более 50 тыс. руб. [Там же: 337]. Стабилизация кредитного дела, а также растущая инфляция и нестабильность денежной системы из-за прекращения поставок наличности из центра привели к тому, что население понесло свои сбережения в банки. Только за десять дней с 6 по 15 августа вклады граждан возросли вдвое – с 7,4 до 14,8 млн [Там же: 338]. В то же время продолжала расти инфляция и обесценивание денег. Заметное влияние на все эти процессы оказывал рост населе-

ния в Иркутске. Только беженцев за это время в городе скопилось более 50 тыс. чел. Из-за ограниченности запаса денежной массы в конце 1918 – начале 1919 г. в местных банках суммы выдачи наличности стали ограничивать до 500 руб. и менее в неделю [ГАИО, ф. 70, оп. 4, д. 746, л. 8]. Чтобы не обращаться постоянно в банк, Иркутской городской думе пришлось арендовать сейф в Сибирском торговом банке для свободного распоряжения значительными суммами наличности.

Летом 1918 г. прежняя кредитно-банковская система была постепенно восстановлена, хотя разделение балансов и возмещение убытков от национализации банков растянулось до начала 1919 г. На первых порах руководство государственными кредитными учреждениями было сосредоточено в образованном 13 июля 1918 г. кредитном отделе министерства финансов. Территория, подведомственная Омскому правительству, стремительно расширялась на восток, включив в себя к осени 1918 г. всю Сибирь и Дальний Восток. На ней находилось 12 отделений Госбанка и 90 подведомственных им казначейств. Своим циркулярным письмом от 23 июля 1918 г. Министерство финансов Сибирского правительства предложило отделениям и казначействам закрыть все текущие счета бывших советских, а также продовольственных организаций и остатки перечислять на переходные суммы. Во исполнение директивы все учреждения Госбанка и казначейства представили списки закрытых счетов с указанием их распорядителей, а также остатков, зачисленных на переходные суммы. В том числе указывали те счета, которые были восстановлены новыми распорядителями. После недолгого режима советской власти весь кредитный аппарат находился в «разобранном» состоянии. Отступая, большевики вывозили не только ценности, но и финансовые документы, а зачастую просто их уничтожали. Учитывая объем работы для восстановления нормальной деятельности, управляющим отделениями было рекомендовано временно воздержаться от

отпусков банковским служащим [ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 140, л. 50].

14 сентября 1918 г. постановлением временного Сибирского правительства были созданы Главное управление Государственного банка Сибири и Главное управление государственных сберегательных касс. Исполнение обязанностей было возложено на директора отдела кредита и денежного обращения при Минфине Сибири А. А. Скороходова, а его заместителями назначены вице-директора того же отделения А. И. Евреинов и С. И. Орлов. Оказавшиеся оторванными от своих головных контор, отделения российских коммерческих банков пошли на создание временных дирекций из представителей сибирских подразделений, а в 1919 г. объединились в Комитет акционерных коммерческих банков. Падение производства, кризис транспортной системы, интенсивная инфляция мешали нормальному ведению операций. Банки сосредоточились на предоставлении краткосрочных товарных кредитов, подтоварных залогов, переводах денег, игре на курсах размена разных видов денег и денежных суррогатов, иностранной валюты. Денежные ссуды предприятиям выдавались под обеспечение товарами. Так, национализированному при советской власти Покровскому стекольному заводу была выдана ссуда в 136 тыс. руб. под стекло, посуду и другие изделия на срок до 3 апреля 1919 г. Но когда подошел срок выплаты кредита, завод был уже в руках прежних хозяев, которые от платежей отказались. Ссуда в размере 4,6 млн руб. под товарное обеспечение выдавалась иркутским отделением Госбанка Ленскому золотопромышленному товариществу, а также промышленным предприятиям черемховских копей «Бюро Углекоп».

Колчаковский переворот еще более усугубил финансовый кризис в Сибири, но мало сказался на организационной структуре финансового управления регионами, сформированной предыдущим правительством. Некоторые ее изменения на уровне регионов не оказывали влияния на общую ситуацию. Так, рас-

поряжением от 4 января 1919 г. Якутское и Олекминское казначейства, находившиеся в ведении Иркутского отделения Госбанка, переводились в подотчетность якутскому, что было оправдано с точки зрения его местоположения [Там же, л. 26].

Нельзя сказать, что колчаковская власть не пыталась восстановить разрушенную после недолгой власти Советов экономику и промышленное производство, а также укрепить финансовое состояние подвластной ей территории. Предпринимались попытки оказания содействия частному предпринимательству и кредитной сфере, был основан новый торгово-промышленный банк Сибири. Восстанавливались в своих правах владельцы национализированных большевиками предприятий и акционерных обществ. В силу разных причин отдельные предприятия передавались в собственность государства, но только путем выкупа у владельцев. Так, например, произошло с Черемховскими угольными копиями под Иркутском. В первые дни после переворота при верховном правителе было создано чрезвычайное государственное экономическое совещание «в целях разработки экстренных мероприятий в области финансов, снабжения армии и восстановления торгово-промышленного аппарата». Но большинство мероприятий и решений были половинчаты, противоречивы и в условиях постоянно растущей инфляции и дефицита денежной массы малоэффективны.

Пожалуй, единственно динамично развивающейся отраслью хозяйства в Сибири при Колчаке была кооперация. Еще до революции сибирские кооперативные союзы по объемам продаж и производственным возможностям считались одними из самых крупных в России. Временное Сибирское правительство предоставило кооперативам значительные финансовые и торговые льготы. Колчаковское правительство продолжило эту политику. Денежные обороты наиболее крупных сибирских кооперативов только за первые три месяца 1919 г. составили 200 млн руб., что составляло до

четверти всего бюджета омского Совета министров. Можно привести некоторые данные о состоянии кооперативного движения в Иркутской губернии в 1919 г. В нем были представлены все виды кооперации: потребительская, кредитная, сельскохозяйственная, промышленно-производительная. Наиболее развитой была потребительская, значительно менее – кредитная и в совсем зачаточном состоянии находились сельскохозяйственная и промышленная. В губернии действовали представительства сибирских кооперативных организаций – «Центросоюза», «Закупсбыта», «Синкредсоюза», «Союза Сибирских маслодельческих артелей». Наиболее значительными были конторы «Закупсбыта» и «Центросоюза» [ГАИО, ф. Р-260, оп. 1, д. 201, л. 32].

Потребительская кооперация была представлена 4 объединениями и 1200 кооперативами, из которых около 20 действовали в городе, остальные – в селе. Наиболее крупный «Ирсоюз» (Иркутский губернский союз кооперативов с конторой в Иркутске) охватывал всю Иркутскую губернию и часть Якутской области и насчитывал более 400 членов. «Ленсоюз» действовал, главным образом, в Киренском уезде и южных районах Якутии. Входило в него до 80 членов, а контора размещалась в Киренске. Находившийся в Верхнеудинске «Прибайкалсоюз» (Забайкальский союз кооперативов) объединял более 300 членов. Самым небольшим был «Холгос» (Якутский областной союз кооперативов), насчитывающий до 70 членов. Обособленную нишу занимало общество потребителей рабочих и служащих Забайкальской железной дороги, насчитывающее более 35 тыс. пайщиков. В Иркутске своей самостоятельностью выделялось городское общество потребителей «Труженик-кооператор», в котором на 1 января 1920 г. числилось до 20 тыс. членов. Позднее оно было преобразовано в Иркутскую городскую коммуну [Там же, л. 32об.].

В сфере кредитного дела до Первой мировой войны в губернии существовали только крестьянские учреждения мелкого кредита. К концу 1919 г. в губернии

насчитывалось 109 кредитных и 15 ссудо-сберегательных товариществ. Главным источником их оборотных средств являлись вклады населения, составлявшие 68 % баланса. Также активно практиковались займы в виде долгосрочных ссуд из государственных сберкасс и краткосрочных займов в Иркутском отделении Госбанка. До 50 % всех средств этих товариществ расходовалось на предоставление ссуд населению. Значительное место занимала купля-продажа процентных бумаг. Организация и контроль за их деятельностью были возложены на инспекции мелкого кредита при Иркутском отделении Госбанка, так как Губернский союз кредитных кооперативов и отделение Московского народного банка начали свои действия только в конце 1917 г., а Приленский союз кредитных и ссудо-сберегательных товариществ хотя и открылся в конце 1916 г., но его влияние на кооперативную жизнь региона было незначительным: в него входило всего 15 товариществ, тогда как в Иркутский союз – более 80 [Там же, л. 33].

Сельскохозяйственных кооперативов в регионе было крайне мало, и они никак не были объединены. Промышленно-производительная кооперация была представлена всего двумя организациями: Восточно-Сибирским кооперативным промышленным союзом (ВОКОПРОМ), объединявшим 10 союзов от Ачинска и Красноярска до Читы и земско-кооперативным издательским товариществом «Сеятель», выпускавшим книги по различным отраслям знаний. Его учредителями были «Ирсоюз», «Кредитсоюз», «Ленсоюз», а также губернское земство.

Самой серьезной проблемой для сибирских окраин стал кризис денежной наличности и девальвация рубля. Пытаясь заполнить нехватку денег в условиях продолжающейся войны, печатный станок включило Временное правительство. Наряду с царскими деньгами в оборот массово пошли «керенки». С началом гражданской войны в результате отделения сибирских территорий от Центральной России и нарушения

транспортного сообщения присылка в Сибирь денежной наличности прекратилась. Последние суммы финансового подкрепления сибирские города получили во второй половине мая. Уже летом 1918 г. явственно обнаружился острый денежный дефицит и начался экстренный поиск путей его устранения. Ситуация осложнялась тем, что присылаемые Петроградом суммы содержали малую долю разменных денежных знаков. Наличности, особенно мелкого номинала, не хватало, что затрудняло повседневные расчеты и приводило к инфляции и появлению различных денежных суррогатов. Иркутским отделением банка для увеличения количества разменных денег были выпущены в обращение купоны от серий и облигаций займа Свободы – от мелких купюр до 100 руб. со штемпелями и печатями отдельно [ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 143, л. 4]. Кроме того, выпускались купоны от серий Государственного казначейства всех достоинств. Чтобы не возникало путаницы, рекомендовано было эти купоны после декабря 1917 г. извлечь из обращения. При этом Иркутское отделение Госбанка призывало внимательно относиться к достоверности штемпелей и печатей, так как могли быть подделки [Там же, л. 4–4об.].

Для регулирования денежного обращения местные советские власти и Центросибирь уже в конце 1917 г. поднимали вопрос о необходимости срочной эмиссии бон в локальном или общесибирском масштабе. Однако центральным властям путем экстренной присылки наличности всякий раз удавалось предотвратить выпуск местных денежных знаков. Поэтому до лета 1918 г. на сибирских территориях не отмечалось той массовости в выпуске местных денежных знаков, которая наблюдалась на других территориях России. Выпуск в Чите в апреле 1918 г. гербовых марок, наклеенных на особый типографский бланк с печатью Читинского отделения Народного банка, был единственным примером эмиссии в данный период. Всего их было выпущено в апреле – июле 1918 г. на сумму 443 тыс. руб. По исчерпанию гербовых отделение

выпустило еще контрольные марки сберегательных касс на 3 млн 481 тыс. руб.

Ситуация радикально изменилась летом 1918 г. Падение советской власти сопровождалось изъятием ценностей и их расхищением, а также полным разрывом связей с Советской Россией. В этих условиях Центросибирь, чтобы компенсировать расходы на ведение боевых действий, начала самостоятельно регулировать местное денежное обращение. 12 июля 1918 г. в целях увеличения оборотных разменных денег в пределах Восточной Сибири Центросибирь постановила выпустить в народное обращение находящиеся в местных банках и казначействах процентные бумаги с отрезанными купонами, предварительно проштемпелевав и зарегистрировав их. По мере вскрытия ящиков с процентными бумагами, эвакуированными из Иркутска, Верхнеудинским казначейством осуществлялся выпуск денежных суррогатов. В обращение были выпущены 5 %-ные краткосрочные обязательства, серии и купоны Государственного казначейства, облигации и купоны 5 %-ных краткосрочных военных займов 1915–1916 гг. и займа «Свобода». При этом краткосрочные обязательства выпускались без нанесения каких-либо дополнительных реквизитов. Остальные денежные суррогаты при выпуске подлежали штемпелеванию. Выпускаемые денежные знаки заносились на текущий счет Центросибири и без санкции последней в лице ее Комиссариата финансов расходованию не подлежали. После бегства из Верхнеудинска казначейства некоторая часть денежных суррогатов номиналом в 50 руб. выпускалась в Чите. В это же время, ввиду острой нужды в мелких денежных знаках, по постановлению Троицкосавского совнаркома в Кяхте были выпущены боны номиналами 5 и 10 руб., представлявшие собой разрезанные на четыре части «керенки», наклеенные на специальные типографские бланки с печатью и факсимильными подписями управляющего и комиссара Кяхтинского отделения Народного банка.

Массовый выпуск суррогатных денег Центросибирью летом 1918 г. привел к тому, что они быстро стали доминирующими в местном денежном обращении, т. к. денежных знаков дореволюционных образцов было крайне мало. Всего было выпущено новых денег более чем на 6 млн руб. После падения советской власти выпущенные Центросибирью денежные суррогаты продолжили свое хождение. Специальным циркуляром Госбанка Омского минфина от 1 мая 1919 г. местным отделениям было разрешено обменивать на общегосударственные денежные знаки облигации военных займов 1915–1916 гг. и займа «Свобода», выпущенные в качестве денежных знаков Ижевским, Воткинским и Верхнеудинским казначействами, чрезвычайным уполномоченным Прикамского края и Читинским отделением Госбанка. Срок обмена не оговаривался. При этом, согласно указанию управляющего Омским госбанком С. И. Рошковского, изымаемые денежные суррогаты не оплачивались по месту предъявления, а подлежали отсылке в место их выпуска в обращение.

В развернувшемся вооруженном противоборстве деньги стали такой же ценностью, как оружие. Отступавшие большевики старались вывезти их в первую очередь, чтобы оставить противника без средств, поэтому новая сибирская власть с самого начала столкнулась с отсутствием наличных денег. Временное Сибирское правительство из-за острого денежного дефицита оказалось в тяжелом экономическом положении. Узаконение обращения дореволюционных денежных суррогатов (ценных бумаг и купонов от них), запрет вывоза из Сибири денежной наличности, а также допущение к хождению местных суррогатов, выпущенных большевиками, не смогли закрыть финансовые бреши бюджета омской власти. Пришлось вновь запустить печатный станок. На запрос Омского министерства финансов о возможности и условиях печатания денег 13 июля 1918 г. был получен положительный ответ из Томска, а 24 августа – из Иркутска. Для организации и осуществления новой

эмиссии 1 октября 1918 г. при Министерстве финансов была образована экспедиция заготовления государственных бумаг. Главная проблема состояла в отсутствии должной материально-технической базы для производства «сибирских» денежных знаков, соответствующей бумаги и специалистов. По данным Н. С. Романова, уже в сентябре типография Макушина в Иркутске получила заказ на печатание кредитных билетов 5-рублевого достоинства [1994: 368]. Но, по-видимому, гражданские типографии не удовлетворяли запросам сибирской власти. Поэтому было решено организовать печатание денег на базе военно-топографических отделов в Омске и Иркутске, что и было начато 31 октября 1918 г. в Иркутске, во временном отделении экспедиции заготовления государственных бумаг, созданном при военно-топографическом отделе штаба Иркутского военного округа. В газете «Свободный край» было опубликовано сообщение Иркутского отделения Государственного банка о том, что «на основании Постановления Административного совета Временного правительства от 19 сентября 1918 г. Государственным банком выпускаются в обращение казначейские знаки Сибирского временного правительства 5-рублевого достоинства» [Свободный край 1918]. Печатание купюр происходило при непосредственном контроле со стороны местного отделения Госбанка, при котором для этой цели был образован особый штат во главе с управляющим из особо надежных лиц, которые должны были постоянно находиться в типолитографии все время печатания денег. Отпечатанные денежные знаки после их проверки зачислялись на переходящие ценности в отделении банка. После завершения печатания всей партии они переводились с переходящих ценностей в разменный капитал. Последний счет до перечисления на него бон должен быть совершенно освобожден от числящихся на нем сумм путем перечисления годных к обращению казначейских знаков в оборотный капитал, а ветхих – на переходящие ценности для отсылки в отдел кредитных билетов Си-

бирского государственного банка [Петин 2015: 212]. Основная часть сибирских денег печаталась в Иркутске. Так, из напечатанных до конца 1919 г. «сибирских» пятирублевков на сумму в 84 млн руб. в Иркутске их было отпечатано на 80 млн.

Для устранения недостатка мелких денег сибирские власти прибегли к выпуску собственных казначейских разменных знаков достоинством от 1 до 50 руб. С 1 октября 1918 г. решено начать выпуск краткосрочных обязательств Государственного казначейства сроком на один год. Они печатались крупными купюрами (номиналом в 5000, 1000 и 500 руб.) и имели целью смягчить бюджетный дефицит [ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 132, л. 5]. Всего в 1918 г. в Сибири обращалось около тридцати денежных единиц. Выпуск местных денег без ведома и разрешения Государственного банка сильно затруднял работу последнего как регулятора денежного обращения в стране и отрицательно влиял на финансы страны. Кроме того, осложнял работу кассиров, которым необходимо было знать все особенности «сибирских» денег и их заменителей, чтобы избежать подделок, которые в большом количестве имели хождение в регионах.

Колчаковское правительство неоднократно предпринимало попытки регулирования этой разнородной денежной массы. Введение в оборот краткосрочных казначейских обязательств было вызвано необходимостью не только удовлетворить внутренний рынок денежными знаками, но и изъять из оборота плохие суррогаты денег, изданные еще большевиками, и заменить их лучшими и легче поддающимися контролю и учету. Госбанк Сибири дал разрешение своим отделениям производить размен без ограничения суммы, в зависимости от состояния наличности в кассах [Там же, л. 2об.], указав особое внимание уделять определению подлинности этих знаков. Обменные местные деньги должны были не менее одного раза в полгода и чаще высылаться выпустившим их банкам с дебетированием счета с банком и одновременно с донесением об этом в Центральное управление

Госбанка в Омске. Выкупу подлежали только облигации военных займов всех достоинств, займа «Свобода» от 500 руб. и выше [Там же, д. 133, л. 5]. Все облигации займа «Свобода» мелких купюр, до 100 руб., имели свободное хождение наравне с кредитными билетами. Кроме того, Омск предпочел заменить многие из выпущенных ранее заменителей денег новыми, художественно исполненными в США облигациями выигрышного займа, изготовленными еще по заказу Временного правительства.

Еще одной попыткой стабилизации финансовой системы стало изъятие из обращения сотен миллионов «керенок» в соответствии с постановлением от 15 мая 1919 г. [Там же, д. 142, л. 10]. По мнению финансистов Омского правительства, печатавшиеся в Москве и находившиеся в сибирском денежном обращении «керенки» создавали зависимость Омского правительства от печатного станка РСФСР и подрывали покупательную способность сибирского рубля. Однако спешно разработанная и проведенная реформа по изъятию из обращения «керенок» не спасла ситуацию. Правительство не учло, что из обращения легко изъять те деньги, которые потеряли свое значение на рынке и доверие населения. «Керенки» же таковыми не являлись. Более того, реформа настроила против правящей власти значительные слои крестьянства и буржуазию, которые являлись самыми крупными держателями этих денежных знаков. Все эти реформы проводились уже в период наступления советских войск. Отступая, колчаковские власти эвакуировали с собой запасы золота и почти всю наличность из банков и казначейств. На восток вывозились все правительственные структуры и учреждения, в т. ч. отделения Государственного и частных банков со всеми их активами и служащими.

В годы гражданской войны очень остро стояли проблемы не только денежного довольствия, но и вообще снабжения сотрудников банков необходимыми товарами и припасами первой необходимости. В связи с постоянным ростом эмиссии и количества суррогатных денег



реальная заработная плата уже не обеспечивала должный уровень жизни. Кроме того, значительные трудности переживала система снабжения внутреннего рынка. Разрыв связей с центром страны и резкое сокращение промышленного производства привели к дефициту как продуктов питания, так и товаров повседневного спроса. Распределение различных продуктов и товаров становилось более актуальным, чем денежное содержание. Губернские власти старались принимать меры по материальной поддержке служащих правительственных учреждений. Даже для сотрудников банковской сферы решение этой проблемы было жизненно важным. Управляющий банка и члены комитета служащих (профсоюза) вынуждены были постоянно выходить с различными ходатайствами по снабжению сотрудников всем необходимым. В августе 1919 г. Иркутское отделение уведомило уполномоченного Министерства снабжения и продовольствия о зачислении на его счет 30 тыс. руб. на закупку 1 тыс. пудов муки для нужд служащих банка [ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 156, л. 9]. В сентябре главное правление банка в Омске разрешило выдать до 200 тыс. руб. в качестве кредита на заготовку продуктов продовольствия для служащих. Также было разрешено использовать для служащих правительственных учреждений Иркутска, в т. ч. банка, один вагон сахара. Он был распределен по подписке под аванс.

Составлялись списки на распределение дров, масла, сахара и т. п., использовались различные возможности для расширения продуктового снабжения. Так,

в ноябре 1919 г. на счет Ленского союза кредитных и ссудо-сберегательных товариществ было переведено 250 тыс. руб. для заготовки мяса для служащих банка [Там же, л. 27]. Иркутское отделение неоднократно обращалось в различные организации и предприятия с просьбой выделить различные товары и продукты для его сотрудников. Известны обращения к товариществу «А. Губкин, А. Кузнецов и К» с просьбой отпустить для 170 семейств служащих отделения и его филиалов (с членами семейств их количество достигало 450 чел.) 300 фунтов развесного чая [Там же, д. 142, л. 32]. У других просили подошвенную кожу и даже 117 электрических лампочек. Обращались также в Управление американского Красного Креста о снабжении служащих банка мануфактурой и другими материалами.

Таким образом, финансовая ситуация в Иркутской губернии в период гражданской войны отличалась нестабильностью и находилась в глубоком кризисе. Деятельность банков не могла быть эффективной и в основном направлялась на поддержание минимальной стабильности кредитного рынка. Дефицит денежной массы и постоянный рост инфляции негативно сказывался на экономической ситуации в регионе. Все попытки стабилизации финансового рынка не привели к положительным результатам. В этих условиях все правительства, и советские и антибольшевистские, пытались выйти из кризиса путем штампования своей валюты и суррогатных денег. Одним из ведущих центров эмиссионной деятельности стал Иркутск.

### Источники и литература

Государственный архив Иркутской области (ГАИО).

*Петин Д. И.* Эмиссионная деятельность Верхнеудинского казначейства летом 1918 г. / Д. И. Петин // Петербургский коллекционер. – 2012. – № 1. – С. 4–6.

*Петин Д. И.* Сибирский казначейский знак номиналом пять рублей: история появления сквозь призму архивных документов / Д. И. Петин // Новейшая история России. – 2015. – № 1 (12). – С. 210–220.

*Романов Н. С.* Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / Н. С. Романов; сост. Н. В. Каликаускене. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. – 560 с.

Свободный край. – 1918. – 15 ноября.